

# РУССКИЕ НОВОСТИ

---

**№ 487**

**10 DECEMBRE 1954**

***Les Nouvelles Russes***

**Выходит по пятницам**

**10-й ГОД ИЗДАНИЯ**  
**DIXIÈME ANNÉE**

**Tous les vendredis**

**PRIX DU NUMERO**

**40 frs**

# Современники о Чехове

**К** КОНЦУ «чеховского года» русские парижане получили подарок — новую книгу мемуаров о Чехове.

О большом русском писателе написаны десятки книг и сотни воспоминаний, но далеко еще не исчерпано все, что можно сказать о Чехове, как о писателе, драматурге и человеке. Большие воспоминания написаны писателями и людьми театра, более или менее близко стоявшими к Антону Павловичу. Разумеется, полного единства взглядов на творчество Чехова нет, да и не может быть. Почти каждый из мемуаристов — волюн или неволюн, — в какой-то степени «притягивает» Чехова к себе. И тем не менее, даже пробежав этот объемистый и прекрасно документированный сборник, (1) каждый читатель почувствует, что образ любимого писателя как бы приблизился к нему, стал более ярким и понятным.

О детстве А. П. подробно рас-

сказывают его братья — Александр и Михаил. Страница за страницей, перед нами проходят гимназические годы Антона: раннее вставание к обеду, чтение в отцовском хоре, обязательное ежедневное «вычитывание» псалмов и кафизм; вынужденное сидение в лавке, где зимой замерзали чернила. Перечисляются детские шалости, страсть Антона к имитации родных, знакомых, гимназических учителей; неумное веселье подростка. Во время одного купанья на Банном съезде Татариога, Антон бросился в воду и рассек лоб об острый камень. Шрам на левой стороне лба остался у него до самой смерти и даже был внесен в его паспорт, в качестве «особой приметы».

— В детстве у меня не было детства! — с грустью вспоминал А. П.

У Чехова был неисчерпаемый запас здоровых творческих сил, веселого юмора, врожденной деликатности; глубокое сознание необходимости труда; чувство большой ответственности за каждый написанный рассказ.

С юношеских лет он работал не покладая рук репетитором, студентом, сотрудником юмористических журнальчиков, позже — врачом и общественным деятелем.

— Работать надо — а все остальное к черту! Главное — быть справедливым, остальное приложится! (Письмо к А. С. Суворину, от 9 декабря 1890 г.).

И он работал — и был справедливым.

Сестра Чехова, Мария Павловна, вспоминает трогательную и характерную фразу Чехова о том, что «на каждую просьбу нужно отозваться, и если нельзя дать того, что просят, нужно дать хоть половину, хоть четверть, но дать непременно».

— Во время наших пирушек Антоша был душой общества, — рассказывал И. И. Левитан. — Бог знает, чего только он ни придумывал! Мы умирали со смеху.

... С быстротой беспроволочного телеграфа, — вспоминает Г. Л. Щенкина — Куперник, — распространилась по Москве весть: «А. П. приехал!», и дорогого гостя начинали чествовать так усердно, что он сам себя прозвал «Авеланом» — это был морской

министр, которого ввиду франко-русских симпатий беспрерывно чествовали то в России, то во Франции...

Приведем отрывок из записок М. Горького:

— Странное существо — русский человек! — сказал однажды Чехов: чтобы хорошо жить, по-человечески — надо же работать! Работать с любовью, с верой. А у нас не умеют этого. Архитектор, выстроив два — три приличных дома, садится играть в карты, играет всю жизнь или торчит за кулисами театра. Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме «Новостей терапии», не читает и в сорок лет серьезно убежден, что все болезни — простудного происхождения. Я не встречал ни одного чиновника, который хоть немножко понимал бы значение своей работы: обыкновенно он сидит в столице или губернском городе, сочиняет бумаги и посылает их в Змиев и Сморгонь для исполнения. А кого эти бумаги лишат свободы движения в Змиеве и Сморгони, — об этом чиновник думает так же мало, как атеист о мучениях ада. Актер, сыгравши сносно две-три роли, уже не учит больше ролей, а надевает цилиндр и думает, что он теней...

На этих страницах уже было

1) «Чехов в воспоминаниях современников». Второе дополненное издание. ГИХЛ. Москва, 1954. Стр. 680. Получено из «Дома Книги».

рассказано об отказе Чехова и Короленко от звания академиков, в виде протеста против отклонения кандидатуры Горького, равно, как и о ссоре Чехова с Суворовым после бешеной травли, которую вело «Новое Время» против Золя, Дрейфуса и евреев вообще. Постороннему человеку может показаться непонятным, какой интерес для Чехова мог представить маленький французский капитан, на языке которого он даже говорил с трудом?

Дело было, конечно, не в самом Дрейфусе, а в величайшей несправедливости, примириться с которой Чехов органически не был в состоянии.

— Душа у Чехова была какая-то необыкновенно правильная, — вспоминает И. Н. Потапенко: все было в ней — и достоинства, и слабости... Нет, Чехов не был ни ангелом, ни праведником в полном значении этого слова. И та уравновешенность и трезвость, которыми он всех изумлял, явились результатами мучительной внутренней борьбы, трудно доставшимися ему трофеями... И в жизни Чехова все было пережито — и большое, и ничтожное...

К. С. Станиславский пишет:  
— А. П. был самым большим

оптимистом будущего, какого мне только приходилось видеть. Он бодро, всегда оживленно, с верой рисовал красивое будущее нашей русской жизни... Он не раз удивлял нас своей твердостью, определенностью и решительностью. — Ужасно! Но без этого нельзя. Пусть японцы сдвинут нас с места, — сказал мне Чехов взволнованно, но твердо, когда в России запахло порохом... Он один из первых дал тревожный звонок. Кто, как не он, стал рубить прекрасный, цветущий вишневый сад, сознав, что время его миновало, что старая жизнь бесноворотно осуждена на слом»...

... Есть одно свойство у Чехова, которое дает нам право считать его великим писателем. Мы читаем его всегда по-новому, и в его рассказах всегда находим для себя что-то новое, чего мы раньше не заметили и до чего мы «доросли» (Щепкина-Куперник).

Перед читателем проходят «чеховские места»: Таганрог, Москва, Воскресенск, Бабкино, Чинкинская больница, Звенигород, Лука на берегу Псела, Багимова, наконец, Мелихово, на устройство которого было положено столько труда и любви, в котором у Чехова был кабинет с огромными венецианскими окнами, с камин-

ном и большим турецким диваном. Зимой окна до половины заносило снегом. Иногда зайцы заглядывали в них из сугробов, становясь на задние лапки, причем А. П. говорил Лике (Л. С. Мизиновой — «Чайке»), что это они «любуются на нее».

Архитектор Л. Н. Шаповалов подробно рассказывает о постройке чеховского дома на Аутском шоссе в Ялте.

А. Серебров (Тихонов) передает мало-известные подробности о пребывании Чехова в уральском имении Саввы Морозова около Усоля, в северной части Пермской губернии. Особенно характерны высказывания Чехова о Горьком:

... «Вперед без страха и сомнения!» — это еще не политика. А куда вперед — неизвестно?! Если ты зовешь вперед, надо указать цель, дорогу, средства. Одним «безумством храбрых» в политике никогда и ничего еще не делалось...

В другой раз Чехов сказал:  
— Вот вы говорили, что плакали на моих пьесах. Да и не вы один... А ведь я не для этого их написал, это их Алексеев (Станиславский) сделал такими плаксивыми. Я хотел другое... Я хотел только честно сказать людям: «Посмотрите на себя, посмотрите, как вы плохо и скучно живете!» Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда они это пой-

мут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь... Я ее не увижу, но я знаю, что она будет совсем иная, не похожая на ту, что есть... Над чем же тут плакать?...

Как-то в Москве А. П. сказал приехавшему к нему Короленко: — Я сейчас действительно пишу, и непременно напишу драму — «Иван Иванович Иванов»... Понимаете? Ивановых — тысячи; обыкновеннейший человек, совсем не герой... И это именно очень трудно...

Из воспоминаний жены А. П. — Ольги Леонардовны Книшнер:  
— Помню, когда я везла тело Антона Павловича из Баденвейлера в Москву, на одной глухой, заброшенной, никому не известной станции, стоявшей одиноко среди необозримого пространства, подошли две робкие фигуры с полными слез глазами, и робко и бережно прикрепили какие-то простые полевые цветы к грубым железным засовам запечатанного товарного вагона, в котором стоял гроб с телом Чехова. Это, конечно, были люди — не герои, из тех, которые приходили к нему «посидеть», чтобы после молчаливого визита уйти с новой верой в жизнь...

В. Антонов.